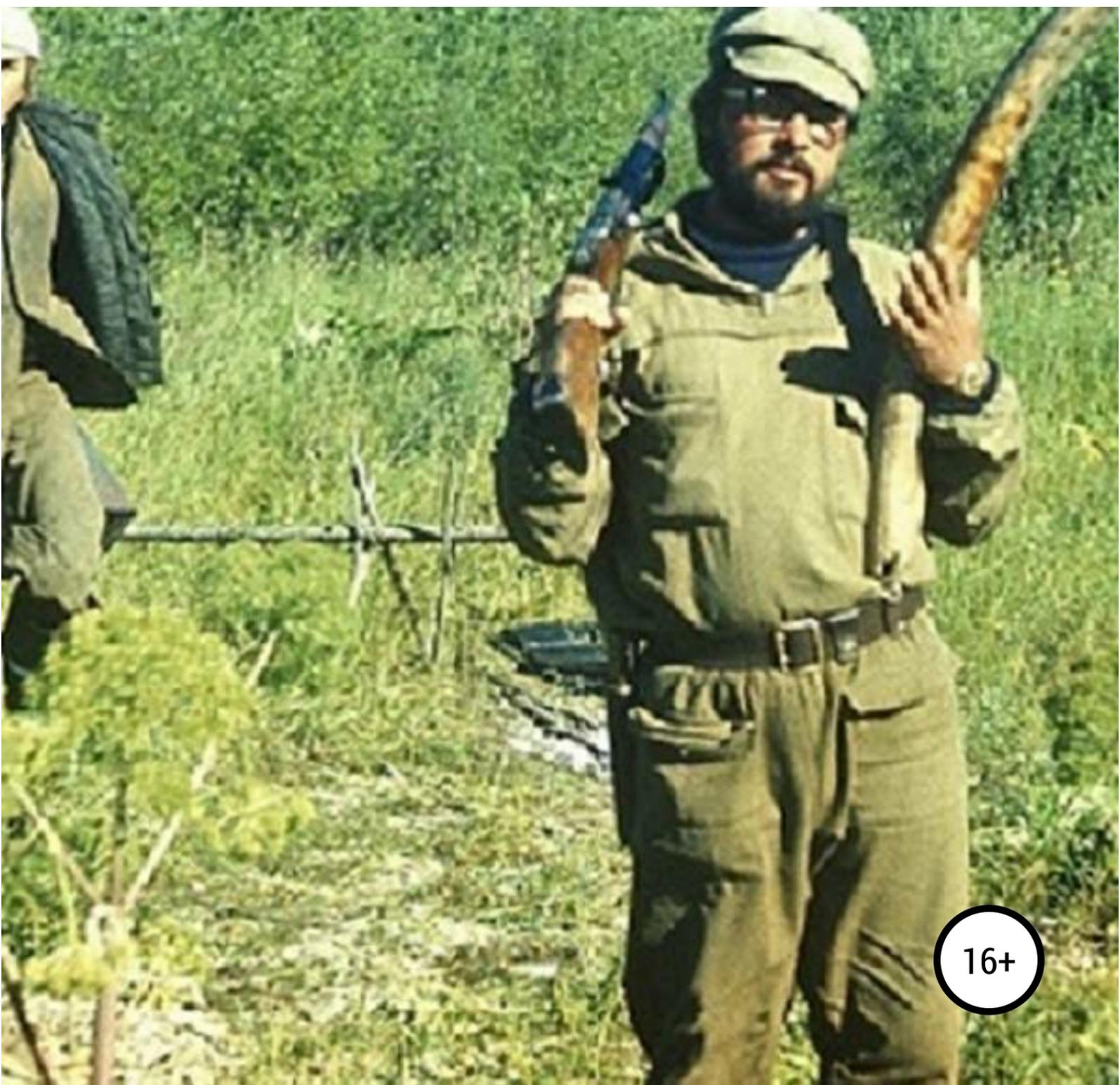

Анатолий Музис

Кто приходит первый

(из рассказов геолога)

16+

Анатолий Музис

**Кто приходит первый
(из рассказов геолога)**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Музис А.

Кто приходит первый (из рассказов геолога) / А. Музис —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Разведчик никогда не занимает город, но по его следу движется целая армия. Оглядываясь на пройденный путь, я видел уже не болота, не чащу, а будущее этого замечательного богатого края. И я не променял бы свою беспокойную работу и эти костры в глухой, намокшей тайге ни на какие житейские блага.

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Легко идти по дороге в Будущее, когда она проложена. Но прокладывать ее приходится преодолевая Прошлое. А это нелегко.

1

Нельзя расслабиться ни на минуту. Идешь по тайге – компас и отсчет шагов. Сидишь в доме или лагере – настраиваешься на маршрут, как птица перелетная на полет. Что ведет птицу через веси и долины? Так и геолог – он знает, куда идти, хотя вокруг ничего не видно. Надо только настроиться... а то и с компасом заблудишься.

Маленький пузатый катерок со странным названием "Товаровед" высадил нас в среду второго сентября на берегу Енисея у деревушки с не менее странным названием – Пятница. В четверг мы вышли из Пятницы и углубились в тайгу. В задачу нашего отряда входило выйти к истокам реки Большой Кас производя по всему маршруту геолого-геоморфологическую съемку с одновременными поисками полезных ископаемых. Этот отряд вел сибирский геолог, кандидат геологических наук Анатолий Романович Ананьев. Два других отряда его партии, геолога Юдина и геоморфолога Ивановского, производили съемку соседних участков. Ивановский плыл вдоль берегов Енисея с заходом в Большой Кас через его устье, а Юдин "снял" участок между Ананьевым и Ивановским.

При выходе из Пятницы наш отряд в свою очередь разделился. Ананьев, я и рабочий-шурфовщик Эйно Кирьянен двинулись вдоль речки Авериной, а старший техник Болкунов с конюхом Терешиним и радистом Крыловским с караваном лошадей пошли по тропе. Встреча назначена через четыре дня на заимке Илюшиха.

Итак, мы идем. Сразу же за деревней километра на полтора тянется гать.

Ноги скользят по мокрым бревнышкам, между которыми хлопала вода. Иногда бревнышки тонут и уже через пять минут все мы идем с мокрыми ногами. Все необходимое мы несем на себе. В рюкзаки уложены продукты, тент, плащи и посуда, а верхнюю одежду мы одели на себя, так как во время поездки катером мы основательно продрогли. Но лес не река, а ходьба не поездка и уже на первом километре я снимаю телогрейку, потом свитер, потом меняю суконную куртку на хлопчато-бумажную. Так мы минуем болото, которое тянется здесь вдоль всего левого берега Енисея, пересекаем речку Рассоха и углубляемся в тайгу. Мы идем по тропе к заимке Новая.

Не имея возможности засеивать заболоченные земли вдоль Енисея, колхозники приенисейских деревень отыскивают в тайге поляны, очищают гари, ставят там дома, сеют хлеб, держат скот и пасеки. Такие места называют заимками. На одних заимках живут постоянно, на других приходят на сезон.

Первые четырнадцать километров тропой мы рассчитывали пройти за три-четыре часа, но неожиданное препятствие задерживает нас уже на четвертом километре. С месяц назад разразилась страшная гроза. Небо, затянутое сплошной облачностью, озарялось молниями изнутри, как огромный молочно-матовый купол. Эти вспышки вперемешку с кромешной тьмой ночи составляли страшную и величественную картину. Говорят в окрестностях Енисейска, на огородах, в эту ночь молниями было убито шесть человек сторожей. Но я тогда был дома и меня гроза не тревожила. Но тут на тропе мы столкнулись с ее последствиями. Примерно с гектар земли сплошь завален свежим буреломом. Дерево на дерево, вдоль, поперек, под углом. Листва, хвоя, сучья – все перемешалось. Земля под этим покровом ушла метра на два-три, а лезть по деревьям, нагруженные котомками, ружьями, лопатами и тому подобными снаряжениям, было делом далеко не легким.

Мы преодолевали этот залом свыше двух часов и измучались до предела. Я даже заявил, что "соскучился по болотам". Потом опять тропа, но темп продвижения уже не тот и хотя заимка уже где-то недалеко, но темнеет и мы вынуждены остановиться на ночлег. Выбираем сухое место, разводим костер. Я, на всякий случай, прохожу вперед еще километр-полтора, но нет, везде глухая чаща, заимки не видно. Возвращаюсь. Костер уже пылает во всю, рябчики

ощипаны и опалены. Плохо с водой. Эйно нацеживает кастрюлю воды из болота и мы ставим варить суп-кашу с рябчиками. А ночь уже опустилась совсем. Сегодня ожидается нарождение новой луны, старики говорят, что в какую погоду она народится, такая будет и впредь. Вокруг абсолютная темнота, лишь в вышине ярко мерцают звезды. Небо чистое, но в лесу удивительно темно. Костер как рубиновое пятно. Когда он разгорается, эффект рубина теряется. Мы сидим и ужинаем. Ботинки и носки сушатся. После ужина расстилаем плащи, кладем на них телогрейки и ложимся, укрывшись сверху одним одеялом и тентом.

Заимка Новая, до которой мы предполагали около двух километров, оказалась километрах в шести и на эти шесть километров у нас опять ушел целый день. Дело в том, что мы идем с работой, то есть копаем шурфы, делаем ответвления от прямой линии маршрута и поэтому фактически пройденный километраж существенно отличается от километража показанного по карте.

В это утро мы встали в пять часов и я с Анатолием Романовичем отправились на поиск реки. Речка Аверина течет где-то рядом и на ее берегах Ананьев надеялся найти какое-нибудь обнажение. Идем налегке, я взял только фотоаппарат, он ружье. Спускаемся с крутояра и вместо реки попадаем на болото. Пересекаем его и попадаем на новое болото. Начинается очередное блуждание. Ищем реку, а пока мокнем в ее заболоченной пойме. После трех часов поиска, так и не найдя реки, возвращаемся к месту стоянки.

Заимке Новая предшествовало семь крутых логов и мы уже решили, что сбились, когда, наконец, показалась гарь, а над ней крыши домов. Заимка располагалась на высоком, обнаженном угоре. Когда-то здесь все выгорело, а теперь земля разделана, стоит сжатый хлеб в копнах, пустой скотный двор, несколько домов. Неприветливо встретила нас заимка. Ни людей, ни собачьего лая, никаких признаков жизни. Очевидно люди, убрав хлеб, передвинулись на другой участок. Нет даже пасечника, хотя пасека довольно значительна.

В доме пасечника мы нашли картошку и немного меда. По заведенному в тайге обычаю житель с заимки или охотник с зимовья, уходя, оставлял несколько спичек, наколотую лучину, сухие дрова и что-нибудь из продуктов: пару горстей муки, соль, картошку, чтобы случайный путник мог бы в случае нужды этим воспользоваться. Если у пришедшего было что-нибудь, то, уходя, он тоже оставлял для следующего гостя, если же он был в нужде, то пользовался всем что находил безвозмездно. Мы с утра ничего не ели, да и утром позавтракали так, на скорую руку, в надежде что вот-вот выйдем на заимку, и теперь, пользуясь таежным правом гостеприимства, наварили полную кастрюлю картошки с тремя рябчиками (всего подстрелили за день восемь), наелись, затопили печурку, постелились на полу и легли. Я даже разделся. По таежным условиям это был королевский ночлег.

От заимки на шесть километров тянулась гарь. Мы предполагали пройти ее часа за два, но эта гарь оказалась совсем не похожей на те, по которым мне доводилось ходить раньше. Гарь в моем представлении была обгоревшим лесом, с редкой порослью молодняка и твердым, расчищенным огнем грунтом.

Эта гарь, на которую мы вышли, была уже, очевидно, очень давнишняя. Деревьев на ней почти совсем не было, они все повалились, истлели и начали уже предаваться земле, а на их перегаре поднялась буйная, в рост человека, трава. Это преимущественно конский щавель, сухой, жесткий и прочный. Идти по такой гари одно мученье. Трава вяжет движения, перешагивая через поваленные деревья приходится все время высоко поднимать ноги, а суки деревьев, скрытые в траве, отточенные и отполированные со временем ветром, дождем и травой, острые как пики и грозятся вот-вот проткнуть насквозь. Только споткнись.

Мы идем очень медленно, очень. Ругаемся, спотыкаемся и падаем, чертыхаемся, снова идем. Шесть километров этой гарью мы шли семь часов и, когда, наконец, вышли опять к тайге, Ананьев сказал с облегчением:

– Вот он, дом родной.

Мы сориентировались и пошли дальше. Хотели дойти к ночи до зимовья – маленькой, на два-три человека избушке, которую охотник ставит в тайге в местах, где он охотится зимой, но ночь опять застала нас в пути. Быстро темнело, к тому же начался дождь. Мы продирались с невообразимым упорством. Троп никаких, идем строго по компасу и, конечно, виляем, виляем, виляем. Мои разноцветные от заплат брюки снова висят клочьями, изо всех мест сухая только прикрытая рюкзаком спина. Наконец, видя, что сегодня нам не дойти даже до реки, решаем остановиться.

Начинаем искать место для ночлега. Оно должно отвечать, по крайней мере, двум требованиям: быть сухим и иметь неподалеку воду. И то и другое сейчас для нас проблема. Наконец, с трудом обнаруживаем под вывороченным корневищем лужу, выбираем рядом место посуше, натягиваем тент и раскладываем костер. Вот когда мне пригодился сухой спирт. Так же кстати оказались свитер, куртка и плащ, которые я, досадуя на самого себя, все время тащил за плечами.

И вот пылает огонь. Лес сразу становится иным. За границей света он абсолютно черен и непроницаем, там, где на него падает свет, он тянется в темную вышину стволами, озаренными неровными бликами огня, а между стволов опять темнота. Мы сушимся. Огонь! Благодарение Прометею, что он принес его людям. В черте огня мы как у себя дома. Эйно приносит воду, варим ужин. Мы прошли немногим больше половины маршрута, а сегодня кончается четвертый день и наши запасы. Делим скудные остатки из расчета, что нам придется идти еще два дня и ложимся спать.

И снова утро, серое, но без дождя. Одежда почти сухая. Смотрим на воду, которую вчера в темноте пили сырой. Мутная желто-коричневая жидкость.

– И эту воду мы вчера пили с наслаждением, – говорит Ананьев.

Я чиню прорехи.

Мне и раньше приходилось ходить тяжелыми дорогами, но такая тайга для меня является новью. Даже Ананьев, который двенадцать лет проработал в сибирской тайге и прекрасно знает ее, говорит, что и он впервые в таком тяжелом маршруте. Особенно тяжело, когда ты идешь, идешь и в конце концов не знаешь даже где ты находишься.

Идем мы все время по карте и компасу. Расстояние меряем отсчетом шагов. Иногда натываемся на кое-какие ориентиры, иногда идем, идем и начинает возникать неуверенность: а туда ли мы идем, куда следует? Тайга глухая, темная, так называемая "черневая тайга". Уж если здесь потеряешься, ни с какого самолета не разглядят. Но мы идем довольно уверенно. Я, например, целиком полагаюсь на Ананьева, который хотя тоже мучается сомнениями, но ведет тщательную выверку нашего маршрута. А путь чем дальше, тем хуже. Мы спускаемся, очевидно, речной поймой и завалы, чаща и болота совершенно изматывают нас.

Ананьев каждые 10-15 шагов останавливается и сверяется с компасом. И все-таки все время приходится вносить коррективы. И чем больше поправок, тем беспокойней на душе. Черт знает, где мы.

И вдруг возглас:

– Вот она! Река!

Через спутанные ветви, в заросших, запутанных берегах виднелась темная полоска воды.

– Вы вскричали "Река!", как, вероятно, некогда Колумб вскричал "Земля!" – сказал я.

– Да, вероятно состояние у нас было одинаковое, – смеясь согласился Анатолий Романович.

И действительно, было чему радоваться. Почти вслед за выходом к реке мы натолкнулись на зимовье, помеченное на карте. Теперь мы знаем, где находимся.

От зимовья по карте показана тропа, но карта восьмилетней давности и, конечно, никакой тропы мы не обнаруживаем. Ну, что ж, у меня теперь ощущение, что я всю жизнь только и ходил без дорог по компасу. Мы отклоняемся от реки, которая очень извилиста и затруднена

для прохождения и стараемся идти ближе к коренному берегу. Там тоже не легко, но все же лучше, чем в болоте или на гари. Идем примерно со скоростью около двух километров в час. Над головой тучей вьется мошка. Мы идем в сетках. Это затрудняет наше продвижение, но имеет то преимущество, что ветки не так больно хлещут по лицу.

День опять кончается, а мы не дошли до зимовья километра три-четыре. Значит завтра рискуем не дойти до Илюшихи, а мы и так уже два дня на "блокадном" пайке: по 150г хлеба на человека и кружка крупы на две заварки для троих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.